

Фрагмент из романа

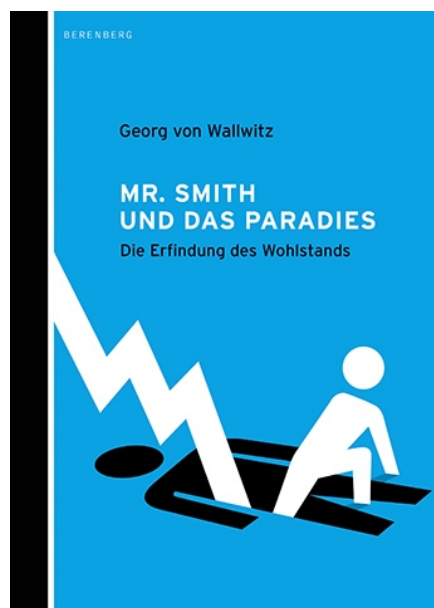
Georg von Wallwitz
Mr. Smith und das Paradies. Die Erfindung des Wohlstands

Berenberg Verlag, Berlin 2013
ISBN 978-3-937834-63-4

C. 7-21

Георг фон Фалвиц
Мистер Смит и рай: измышление благосостояния

Перевод Анны Торгашиной

ВСТУПЛЕНИЕ

Что такое благосостояние? В эпоху Просвещения ответ на этот вопрос еще не вызывал затруднений. Состоятельным считался тот, кто добился материальной независимости в форме земель, золота и долговых расписок – и, желательно, обладал этим всем в количестве большем, чем сосед. Но не всякому, как выяснилось, дано было этого состояния достичь. В целом же проблема заключалась вот в чем: следующее поколение, добившись того, что считало благосостоянием предыдущее, не чувствовало удовлетворения и стремилось вперед, или назад, или вообще в другую сторону. Каждая эпоха вырабатывала собственные представления о хорошей и сытой жизни.

Экономика как современная наука изначально принялась исследовать средства и пути достижения благосостояния. Официально ее история началась с книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», монументального труда, который при всей глубине мысли содержал и вполне конкретные предложения о том, как проще и удобнее достичь этой цели. Но поскольку представления о благосостоянии менялись со временем и модой, экономике, чтобы быть услышанной, приходилось каждый раз изобретать себя заново. Прежним оставалось лишь название.

Это положение дел сближало экономику с литературой и философией, которые испокон веков рассуждали о любви, добре, красоте и боге, однако каждые полвека понимали под этим нечто иное. Точнее говоря, она подчинялась тем же модным веяниям и воззрениям, пела с ними по одним нотам и порой даже в унисон. Экономисты обычно руководствовались теми же побуждениями, что и литераторы своего времени, только претендовали на совершенно иное. Экономика не меньше, чем литература, отражает свою эпоху и при этом меняется сама, словно стареющее зеркало, которое «слепые пятна» превращают в картину.

Если верно изречение Клемансо о том, что война — слишком серьезное дело, чтобы доверять его генералам, и если оно применимо к экономике – скажем, в таком виде: «экономика – слишком серьезное дело, чтобы доверять его экономистам», напрашивается вывод о том, что рассматривать ее следует как бы с краю, то есть с точки зрения наиболее «мягких» дисциплин и художественной литературы. К сожалению, ее представители слишком часто витают в высших сферах, не решаясь глубоко исследовать

значение экономики для жизни. Лишь во времена великих потрясений, таких, как финансовый кризис 2008 и 2009 годов, они выходят из своей финансовой дремы, находят увиденное положение дел сложным, немножко жалуются, отворачиваются в сторонку и снова прикрывают глаза. Английская королева в ходе визита в *Лондонскую высшую школу экономики* в то время сочла себя обязанной спросить, почему же экономисты так серьезно ошиблись относительно этого эпизода и не предупредили о надвигающейся беде. Никто не требовал от них точного прогноза дат рецессии. Но ведь можно же было – в этом собственно и заключался упрек – просто включить воображение, чтобы как-то предчувствовать мировой финансовый кризис исторического масштаба или хотя бы просто представить себе мир, в котором самые ликвидные рынки Лондона и Нью-Йорка могут внезапно «пересохнуть»? В ответ королева получила лишь ряд отговорок (нехорошая групповая динамика, неверные данные, нереалистичные предположения, *тяжелые хвосты*, слишком много прочитанных романов Айн Рэнд и т.д.), которые сами по себе были небезынтересны, однако ничего не проясняли.

Наверное, лучше будет попытаться описать, придерживаясь должной краткости и легкости изложения, как экономика стала тем, чем является сегодня, в чем заключались ее величайшие достижения, как она всегда была зеркалом, проявлением и порождением своей эпохи, и почему ни одна эпоха не в праве была обрушить на нее свой праведный гнев – это всегда прерогатива потомков. С этого-то мы и начнем.

*А тебя ведь ни знойное лето,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни железо - не
могут
От твоих барышей оторвать: никаких нет
препятствий!
Только и в мыслях одно, чтобы не был другой
кто богаче!
Гораций, Сатиры I, 1, 38 и далее*

РАЙ ВОЛЬТЕРА

История современной экономики, как и многие хорошие истории, начинается с драки и оскорбления. Участниками этой весьма своеобразной драки-завязки были, с одной стороны, Вольтер, а с другой – шевалье де Роган. Точнее говоря, последний предоставил драться своей челяди, ведь ему и в голову не пришло бы меряться силами с выскочкой вроде Вольтера, лишь недавно ценой огромных усилий завоевавшим некоторое маргинальное положение в обществе. Знай противники в момент этой весьма нелепой как по форме, так и по содержанию дуэли, какое развитие событий она спровоцирует, оба наверняка хорошенько призадумались бы – каждый в меру своих задатков и способностей.

Вольтер в 30 с небольшим лет уже был литературной сенсацией. Вообще-то он происходил из семьи добропорядочного и бережливого чиновника средней руки, честно заработавшего репутацию и скромный капитал. Но из этой среды он всеми силами стремился вырваться, будучи, без сомнения, самым честолюбивым поэтом столетия. Закончить жизненный путь как брат, который в итоге скучной карьеры занял пост отца и, к тому же, отличался особой набожностью – уже сама мысль об этом претила Вольтеру. Отношения с семьей, соответственно, не отличались особенной теплотой. Поэтому когда в раннем возрасте открылся его талант, главной целью его стало преуспеть на писательском поприще.

Лучшие семьи Франции в то время составляли тесный кружок, жизнь которого была безоблачной во всех отношениях. Ришелье забрал у дворянства в XVII веке не только власть, но и ответственность, полностью перекроив государство под короля. Остались привилегии и финансовые

средства для обеспечения беззаботной жизни. Оторванное от реальности с одобрения государства дворянство посвятило себя досужим сплетням и глупым выходкам. Во Франции XVIII века искусство сплетен (в основном, злых) достигло невиданных ранее и впредь высот. Здесь ценили живость ума вкупе скорее с шармом, нежели с глубиной натуры, а остроумные замечания – не только точные, но и обидные. Жизнь десятка тысяч человек, входивших в высшее общество, была изысканной, но довольно унылой.

Между тем дела у Франции шли не слишком хорошо. Торговля была задушена царившими тогда экономическими теориями физиократов и меркантилистов, налоговая система прогнила, а государственная казна опустела. Придворный штат, привыкший ориентироваться в большей степени на свои потребности, чем на средства, и войско, боевая слава которого отступала все дальше в прошлое, а расходы на содержание не снижались, заставили государство влезть в серьезные долги. Общий упадок не обошел стороной и церковь, служители которой редко были способны жить в соответствии с собственными проповедями. Она утратила авторитет и вынуждена была терпеть насмешки придворных. В епископы выдвигались, в основном, люди склада Ришелье – впрочем, редко его калибра.

Итак, Вольтер стремился в хорошее общество и избавлялся от всего, что выдавало его происхождение. Чтобы поскорее забылась его сословная принадлежность, он сменил свою мещанскую фамилию «Аруэ» на «де Вольтер». За один из первых поэтических триумфов король назначил ему ежегодное жалованье, к тому же он прекрасно ладил с мадам де При, влиятельной фавориткой принца Конде. Стиль его был блестящим, темы полностью отвечали духу времени, он никогда не скучал и не наскучивал тем, к кому был зван в гости. Франция XVIII века ценила остроумных людей, поскольку ее элита не занималась ни политикой (это не приветствовалось королем), ни экономикой (слишком низменная материя), а войну воспринимала лишь как приключенческую игру. Оставалась лишь ужасная придворная скука, обращение к религии, пребывавшей в плачевном состоянии, или занятия художественной литературой. Настоящее оживление вызывало лишь последнее, поскольку французский язык открывал доступ ко всей европейской культуре. Говорить и писать по-французски в то время считалось правилом хорошего тона (языком науки, впрочем, оставалась латынь), французские моды считались «последним криком» повсюду – от Санкт-Петербурга до Лиссабона, а на театральных подмостках континента

пьесы Расина и Корнейля утвердились в качестве эталона, в то время как Шекспир был совершенно забыт.

В 1726 году Вольтера выбила из колеи одна история, которую часто рассказывают, причем в великом множестве версий. Камнем преткновения в этой истории стало колкое замечание в адрес уже упомянутого шевалье Рогана-Шабо, тщеславного и глуповатого отпрыска одной из самых влиятельных фамилий Франции, сыгравшего в истории Просвещения примерно ту же роль, что Понтий Пилат в принятии христианства. Роган высокомерно спросил честолюбивого поэта, как же его теперь следует называть, Аруэ или Вольтер? Тот, не замешкавшись ни на секунду, сердито ответил, что каким бы ни было его имя, он сумеет отстаивать его честь. Юмор редко существует вне социальных рамок, и это замечание перешло границы дозволенного в ту напыщенную эпоху, когда семьи вроде Роганов гордость собственным прошлым ставили превыше всего. Шевалье затаил злобу и стал замышлять месть. Однако ничего оригинального не придумал и при следующей встрече, после представления в Комеди Франсез в уборной знаменитой актрисы Адриен Лекуврер, просто повторил вопрос. «Шевалье уже получил свой ответ», – резко парировал Вольтер. Роган бросился было на Вольтера, но Лекуврер не растерялась и вовремя упала в обморок, так что потасовка вновь была отложена.

Тогда Роган сделал следующий шаг в эскалации конфликта, вновь совершенно неостроумный, но зато весьма эффективный. Несколько дней спустя Вольтер ужинал в гостях у своего друга и поклонника, герцога фон Сулли. Во время трапезы – уже в те времена этот человек хотел быть постоянно для связи – Вольтера вызвали, чтобы он лично принял записку у посыльного. Но возле дома его ждал не посыльный, а лакеи шевалье, которые наконец осуществили едва не начатое своим господином. Они поколотили Вольтера. Роган сидел в карете, наблюдал за происходящим и давал указания. Говорят, он велел беречь голову Вольтера – ведь тот, как-никак, мог еще пригодиться для увеселения. «Какой добросердечный господин!» – воскликнули привлеченные действием зрители. Раненый и униженный, Вольтер вернулся к хозяевам дома, которые, однако, ничего не захотели слышать об этом инциденте. Если какой-то писака вздумал тягаться с одним из великих людей страны, хладнокровно ответил Вольтеру Сулли, он должен нести последствия и не рассчитывать при этом на поддержку того самого сословия, представителя которого он задел.

Вольтер с негодованием обнаружил, что все парижское общество сочло реакцию Рогана совершенно нормальной и понятной, и никто не захотел за него вступиться. Итак, рассчитывать следовало лишь на себя, и он стал брать уроки фехтования, чтобы вызвать врага на дуэль. Это оказалось крайне некстати, поскольку не только дуэли, но даже и вызовы на них были под запретом. Так Вольтер попал в Бастилию, одну из наиболее приятных тюрем, где ему все уже было знакомо. Он написал там своего прославленного «Эдипа», когда десять лет назад отбывал срок за сатиру на регента Филиппа Орлеанского. На этот раз его проступок, однако, был не столь ужасен, а сам он уже был знаменитым поэтом, поэтому спустя всего несколько недель его выпустили на свободу с условием немедленно покинуть страну. Беспомощный, утративший все иллюзии относительно Франции и общества, в котором вращался, Вольтер в 1726 году сел на корабль и отправился в Англию. Для французского Просвещения и экономики это путешествие стало поворотным моментом, а для монархии – одним из главных гвоздей в крышку гроба, но ни Вольтер, ни Роган в тот момент об этом не догадывались.

В Англии Вольтер обнаружил, что, вопреки ожиданиям, остался без средств к существованию. Банкир, на вексель которого он рассчитывал в Лондоне, обанкротился, и выданные им бумаги ничего не стоили. Вольтер был болен, одинок и в отчаянии: «Я был в городе, в котором никого не знал... В таком плачевном состоянии я не отваживался обратиться к нашему послу. Никогда еще я не попадал в столь плачевное положение; но это моя судьба – испытать все невзгоды». Затем в его судьбе произошел поворот (как именно, сегодня установить уже невозможно) и его приютил некто Эверард Фокенер, один из интереснейших деловых людей своего времени, ставший позднее послом в Константинополе, затем начальником британской почты и, в конце концов, в возрасте 53 лет женившийся на дочери генерала Черчилля, племянника герцога фон Марльборо. Гостя у него, Вольтер пришел в себя после пережитых унижений и вновь обрел чувство юмора. Но в первую очередь он научился – что было бы невозможно во Франции – уважать негоцианта и даже восхищаться им.

На этот класс он прежде смотрел с высокомерием, как было принято в ту пору в среде французской аристократии. Государству нужны были предприниматели, ведь в конечном итоге именно они организовывали торговлю и производили товары, делающие жизнь по-настоящему приятной. Без них невозможно было обойтись, равно как и без крестьян,

ремесленников и чиновников, и именно поэтому негоцианта трудно было воспринимать как человека, как личность. Жизнь их в глазах Вольтера была пресна, лишена утонченности, экстравагантности и блеска. Она проходила в конторах, а не во дворцах или других сравнимых декорациях. Ни один поэт масштаба Вольтера, и в первую очередь, с его амбициями, не стал бы добровольно искать общества негоциантов или предпринимателей. Только крайняя нужда заставила Вольтера свести знакомство с Эверардом Фокенером.

Поездки за границу, если к ним плохо подготовиться, могут готовить немало сюрпризов. Вот и Вольтер, обретя душевное равновесие под крышей Фокенера, поначалу постоянно пребывал в удивлении. Он знакомился со страной, гораздо более прогрессивной в политической и социальной сфере, чем его родина – что раньше казалось Вольтеру принципиально невозможным. Свои наблюдения он изложил в книге, оформленной в виде сборника «Философских писем». Адресовалась эта книга тем, кто остался дома, и всерьез считал, что Франция и французская культура – это венец цивилизации, что на них можно взирать лишь с завистью, а весь остальной мир может у них учиться многому – если не всему. В «Философских письмах» Вольтер изложил противоположную точку зрения. Франция, утверждал он, отстала, закоснела и обеднела, как духовно, так и финансово. Англия олицетворяла будущее, динамично развивалась и, незаметно для французов, обретала могущество. Двор здесь не дотягивал до Версаля, так что с того? Гораздо важнее политические и экономические основы, на которых зиждется общество. Во Франции они прогнили и обветшали, а вот в Англии их состояние было почти идеальным. Наглядно описать это французам – таково было намерение Вольтера.

Власть церкви в Англии, пишет он в своих письмах, исчезла за долгие годы жестоких религиозных войн. Здесь царит веротерпимость, которой, памятуя о власти католической церкви во Франции, можно лишь удивляться и радоваться: «Англия – страна сект. Англичанин – человек свободный – отправляется на небо тем путем, какой он сам себе избирает»¹. Это государство старалось вести свои дела без вмешательства духовенства. «Если бы в Англии была только одна религия, следовало бы опасаться ее деспотизма; если бы их было две, представители каждой перерезали бы друг

---

¹ Здесь и далее текст цитат из «Философских писем» приводится по изданию: Философские повести. Философские письма. Статьи из "Философского словаря", М.: АСТ, Астрель, 2011 г., перевод С. Шейнман-Топштейн – прим. пер.

друга горло; но их там тридцать, а потому они живут в благодатном мире». Общество во Франции было открытым и склонным к плюрализму. Каждый мог стать счастливым на собственный лад. Это в глазах Вольтера и являлось основой цивилизованного общества, до которого Франция (при взгляде со стороны) так досадно и очевидно не дотягивала.

Вольтеру не нужно было приезжать в Англию, чтобы стать вероотступником. Церковь и так издавна была любимой мишенью его насмешек. Гораздо важнее, что в Англии к нему пришло осознание благотворной роли торговцев, negociантов и предпринимателей. «Если вы придете на лондонскую биржу – место, более респектабельное, чем многие королевские дворы, – вы увидите скопление представителей всех народов, собравшихся там ради пользы людей: здесь иудеи, магометане и христиане общаются друг с другом так, как если бы они принадлежали одной религии, и называют "неверными" лишь тех, кто объявляет себя банкротом; здесь пресвитерианин доверяется анабаптисту и англиканин верит на слово квакеру. Уходя с этих свободных, мирных собраний, одни отправляются в синагогу, другие – выпить, этот собирается дать себя окунуть в глубокий чан во имя Отца и Сына и Святого Духа, тот устраивает обрезание крайней плоти своему сыну и позволяет бормотать над ним еврейские слова, которых он и сам-то не понимает; иные идут в свою Церковь со своими шляпами на головах, чтобы дожидаться там божественного вдохновения, – и все без исключения довольны». На бирже работали и мирно сосуществовали друг с другом люди, которые в других обстоятельствах – просто по старой привычке – вцепились бы друг другу в глотки. Торговля социализировала их так, как никогда не удавалось религии, сколько бы она ни проповедовала мир и любовь к ближнему. Рынок не ставил целью создания братства, однако в результате получалось именно оно.

В Англии negociанты пользовались огромным уважением, и это сделало страну благоустроенной, свободной и богатой. «Торговля, обогатившая английских граждан, способствовала их освобождению, а свобода эта, в свою очередь, вызвала расширение торговли; отсюда и рост величия государства: именно торговля мало-помалу породила морские силы, с помощью которых англичане стали повелителями морей <...> Все это вызывает у английского купца справедливое чувство гордости и заставляет его, не без некоторого основания, сравнивать себя с римским гражданином, поэтому младшие сыновья пэров королевства вовсе не пренебрегают

коммерцией <...> Когда милорд Оксфорд управлял Англией, его младший сын был комиссионером в Алеппо, откуда не хотел возвращаться на родину и где он умер». Англичане поняли, что стремление к личному благосостоянию больше приносит стране, чем кнут аристократии и посулы церкви. «Во Франции распоряжаются маркизы, и любой из них <...> может <...> гордо презирать негоцианта; сам негоциант так часто слышит презрительные отзывы о своей профессии, что имеет глупость за нее краснеть. Однако я не знаю, какая из этих двух профессий полезнее государству – профессия ли напудренного вельможи, которому точно известно, в какое время встает ото сна король и когда он ложится, и который принимает величественный вид, играя роль прихлебателя в приемной министра, или же профессия негоцианта, обогащающего свою страну, раздающего из своего кабинета приказания Суратту и Каиру и содействующего процветанию всего света».

В то время в Англии надвигалась промышленная революция. Возникали централизованные мастерские, сырье и заготовки для которых поставляли местные ремесленники, в большинстве своем еще работавшие в домашних условиях. На их основе возникали фабрики, производившие все больше товара по все более низкой цене. Вольтер очень дальновидно определил, что за этим развитием будущее, и что государству следовало бы на это настроиться. То же самое касалось и французов, если они не хотели окончательно отстать от англичан.

Согласно английскому мировоззрению Вольтера, политика должна была стать экономической. Тем самым экономика отказывалась от положения на периферии и роли учения для усердных домовладельцев и крестьян. В «Философских письмах» она превращалась в системообразующий элемент общества, поставившего целью достижение благосостояния, и преуспевшего больше, чем Франция с ее молитвами о рае. Вольтер поженил экономику с политикой и тем самым создал отправную точку для удивительного пути, который просвещенный мир преодолел с середины XVIII века. По мере того как экономика становилась политической, люди все меньше уповали на рай, уготованный в мире ином, стремясь достичь благосостояния еще в этом мире. Стоило ли ждать рая, если на земле можно было найти ему неплохую реальную, а главное, гарантированную замену.

Промышленная революция была проектом столь же политическим, как и экономическим. Она могла состояться лишь в ущерб интересам правящих элит, поскольку означала переход власти и благосостояния от аристократии

к буржуазии. Без института права собственности не могло возникнуть такого благосостояния, как в Англии – но этот институт ограничивал власть короля. Кроме того, благосостояния нельзя было достичь без широкого доступа к рынкам, подстегивающего конкуренцию и, тем самым, усердный труд граждан. А это означало свободу, равенство и ограничение привилегий, что не могло прийти по вкусу старой аристократии. Но он принял это. В Англии государственные институты и экономика работали согласованно – и с огромным успехом. Это будущее, пишет Вольтер в своих письмах домой, и если вы не хотите пойти ко дну, поступайте как англичане!

Экономика и до Вольтера была весьма уважаемой дисциплиной. Аристотель основал ее как учение о домашнем хозяйстве, но после многообещающего начала она была заброшена без внимания на целых два тысячелетия. В эпоху барокко одна за другой возникли несколько экономических школ, но ни одной значительной. Лишь в соединении с политикой, которое так непринужденно и без большой теоретической помпы удалось Вольтеру в «Философских письмах», экономика обрела базу и статус, которые позволили ей стать тем, чем она является сейчас. Просвещение в результате обрело собственную дисциплину, которая, хоть и заводила его порой в тупик, стала незаменимым средством распространения мыслей и идей. Благосостояние нации стало составляющей вопроса о правильном правлении. *Политическая экономия*, как вскоре стала называться дисциплина, в отличие от своей предшественницы, была уже не стеклом, сквозь которое рассматривалось общество, но инструментом, с помощью которого оно себя меняло. Начало положил Вольтер, и в этом смысле его визит в Англию стал «поворотной точкой в истории цивилизации», как благоговейно отметил Литтон Стрейчи.

Вольтер пробыл во Франции почти три года. По возвращению он был преисполнен решимости всеми силами избегать того социального и финансового положения, в котором оказался после избиения лакеями Рогана. В социальном отношении ему это так до конца и не удалось: его всю жизнь манил Париж, пустой свет и общество привилегированной по рождению знати. В старости он даже вернулся в лоно презираемой им католической церкви, что бы ни думал при этом он сам и проводивший таинство священник. После поездки в Англию Вольтер жил в основном на границах владений французской монархии, в Бельгии, в Лотарингии, на

Женевском озере, всегда готовый по первому зову явиться в Париж – ведь быть услышанным там, в конечном итоге, все же было единственным, что имело для него значение.

В финансовом отношении, напротив, он очень быстро добился независимости. К его литературным амбициям добавились финансовые, его сноровка в обращении с деньгами почти не уступала языковой виртуозности, и в итоге он затмил многих спекулянтов лондонской биржи. На самом деле немало его деловых партнеров радовались его отъезду, потому что принципов честного негодянта он так никогда до конца и не усвоил. Пруссию ему тоже пришлось покинуть весьма спешно из-за неблагоприятного мошенничества с саксонскими облигациями государственного займа, показавшего, как мало сдержан был Вольтер во всем, что касалось извлечения финансовой выгоды.

Как бы то ни было, идея максимизации прибыли прочно засела в мозгу Вольтера. Он был жадным по отношению ко всем, кроме самых близких родственников, алчным, коварным, и, когда дело касалось денег, запросто мог поступить непорядочно. Так он разбогател и мог позволить себе любую доступную в то время роскошь. Он копил деньги, потому что накопление и демонстрация богатства доставляли ему бесконечное удовольствие; деньги приносили признание, которое всегда было для него на первом месте. Он был капиталистом в изначальном смысле, он накапливал капитал ради самого капитала и стремился преумножить его процентами и инвестициями, не задумываясь, есть ли в этом смысл.

Если сформулировать идеи Вольтера несколько более современным языком, выяснится, что его понимание благосостояния не слишком отличается от повсеместно распространенного сегодня. Сегодня он бы наверняка сказал, что благосостояние нации измеряется в единицах учета запасов (*stock keeping units, SKU*), используемых в розничной торговле для отслеживания статистики по товарам на складе. Например, если на складе торгового предприятия есть пять синих юбок и три зеленых, то в статистике будет отражено два SKU. Страна считается богатой, если в ее магазинах много SKU, потому что богатый ассортимент не только означает возможность для каждого найти что-то для удовлетворения своих потребностей или даже для счастья, но и подразумевает наличие значительных состояний, которые и рождают предложение. И тут уже можно сравнивать. Практически нетронутое европейскими влияниями племя яномано, живущее между

Ориноко и Амазонкой, по расчетам, которые приводит один из ведущих мыслителей исследовательской организации McKinsey Global Institute Эрик Бейнхокер в вышедшей в 2006 году (информативной и стоящей прочтения) книге «Происхождение благосостояния», не избаловано широким выбором товаров. Количество SKU составляет несколько сотен и в любом случае не превышает тысячи. Племя нью-йоркцев может выбирать между несколькими десятками миллиардов SKU. Выбор порядка 10^2 против ассортимента численностью 10^{10} . Вот это благосостояние! Вольтер аплодировал бы, и в целом чувствовал бы себя в Нью-Йорке превосходно. Благосостояния достиг тот, кто обладает наибольшим количеством вещей. Так это понимает любой ребенок в песочнице, и хотя Вольтер, а с ним и сегодняшние экономисты наверняка постарались бы сформулировать сложнее, в главном они согласились бы с малышами. Вольтер открыто противостоял с этим определением благосостояния двум большим группам поборников добродетели своей эпохи. С одной стороны это были христианские традиционалисты, которые в принципе мало значения придавали светским богатствам и уповали обрести истинную благодать в мире ином. С другой – буржуазные моралисты кальвинистского толка, например, из Женевы или Нидерландов; эти хоть и обладали деловой жилкой, однако отвергали роскошь. Их идеалом была Римская республика, причину заката которой они усматривали в общей изнеженности и отступлении от строгих нравов отцов-основателей. В своем стихотворении *Le Mondain* («Светский человек») Вольтер, напротив, отмечает:

*Ce temps profane est tout fait pour mes mœurs.
J'aime le luxe, et même la mollesse,
Tous les plaisirs, les arts de toute espèce,
La propreté, le goût, les ornements:
Tout honnête homme a de tels sentiments.²*

Он рассматривал избыточность как мать искусств, а «природное состояние», которое в ту эпоху зачастую романтизировали и к которому призывали вернуться, его совершенно не интересовало. Он исходил из того,

---

² Это мирское время совершенно мне по нраву.
Я люблю роскошь и даже изнеженность,
Все радости, все виды искусства,
Собственность, вкус, украшения:
Всякий честный человек чувствует то же.

что людям в первобытном состоянии присущи лишь недостаток гигиены и плохие манеры. «У них неразвиты были ремесла и благосостояние: разве это благодетель? Это просто невежество». Само собой разумеется, и это стихотворение тоже вскоре было запрещено. В картине мира Вольтера негодяи, инвесторы, спекулянты (то есть, те, кто распоряжались некоторым ликвидным капиталом, как бы их не называли) преумножали благосостояние всего народа, когда в рамках закона преследовали свои экономические интересы, строили корабли, основывали фабрики и занимались торговлей. Роскошь богатых обеспечивала доход ремесленникам и слугам. Именно свобода каждого заниматься своим делом, не ограниченная привилегиями аристократов и церковью, в итоге способствовала развитию общества. Свобода богатеть способствовала повышению общего благосостояния, а в конечном итоге также росту культуры, искусств и личной гигиены. Материальное благосостояние и личная свобода, будучи двумя сторонами одной медали, взаимно обусловили друг друга и вместе заложили основу культурного прогресса, целью которого было наслаждение благами цивилизации.

Вольтер не создал политической экономии, систематическое мышление в принципе было не особенно ему свойственно, но его размышления на тему политики со времени пребывания в Англии всегда были экономически окрашены. Этот образ общества и человека навсегда сохранилась в совокупности идей Просвещения. Он больше, чем любой другой, сделал для того, чтобы заменить рай в головах людей земным благополучием. С ним экономика стала принципом классификации общества. Она стала средством претворения в жизнь новой мечты о мясе в супе. Связав экономику с политикой, Вольтер распахнул дверь в век буржуазии. Когда в эпоху Просвещения экономика оказалась в центре внимания, благосостояние смогло расти, развиваться и стать символом европейской цивилизации.